

качестве важного элемента реализации промышленной политики правительства» (с. 143). Дополнительные постановления и распоряжения центральных органов власти серьезно корректировали законы о фабричном труде, ограничивая самостоятельность фабричных инспекторов и направляя их деятельность в общее русло внутренней политики.

Дальнейшее изучение хорошо сохранившихся в местных архивах материалов губернаторских канцелярий, окружных судов, судебных палат, губернских жандармских управлений может существенно дополнить представления о посредничестве фабричных инспекторов в острые моменты стачек. Поведение инспекторов было все же далеко не однозначным и часто зависело от позиции центральной власти и важности для нее охваченных стачками фабричных округов, обладавших к тому же своей производственной спецификой и различным составом наемной рабочей силы. Местный фактический материал, собранный в книге Володина, отражает прежде всего реалии Московской губ. Использование документов областных архивов даст возможность для появления перспективных компаративных работ, оживления локальных и региональных исследований³. Более пристального внимания и специального источниковедческого анализа требует также систематизация циркуляров фабричной инспекции. Известно, что в результате решения каждой научной проблемы возникает не менее двух новых, столь же сложных, исследовательских вопросов. Это происходит и

при чтении монографии А.Ю. Володина и в этом ее бесспорная удача и значение для исторической науки.

**С.Р. Глазунов, кандидат исторических наук
(Владимирский государственный
гуманитарный университет)**

Примечания

¹ О важности исследований в этой области см.: «Круглый стол» по книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // *Российская история*. 2010. № 1. С. 131–166.

² *Пушкарёва И.М.* Новые подходы к изучению конфликтов рабочих и предпринимателей в дореволюционной России // *Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина: Сборник статей*. М., 2001. С. 295.

³ *Поткина И.В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М., 2004; *Бородкин Л.И., Валетов Т.Я., Шильникова И.В.* Деловая культура российских предпринимателей в их отношениях с рабочими // *Вестник РУДН. Сер. История России*. 2008. № 4. С. 72–92; *Корнюхова Г.Г.* Практика «избыточного труда» и неготовность к «избыточному производству»: к проблеме методов исследования деловой культуры мусульманских предпринимателей России конца XIX – начала XX в. // *Вестник РУДН. Сер. История России*. 2008. № 4. С. 93–104; и др.

⁴ *Ленин В.И.* Новый фабричный закон // *Ленин В.И. ПСС*. Т. 2. С. 294.

⁵ *Пушкарёва И.М.* Возвращение к забытой теме: массовое рабочее движение в начале XX века // *Отечественная история*. 2007. № 3. С. 101–120.

А.С. Туманова. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2008. 328 с., ил.

Книга А.С. Тумановой, несомненно, принадлежит к числу наиболее актуальных исследований по российской истории Нового времени. Она актуальна и по теме, и, главное, по постановке и способу решения рассматриваемых проблем. Как справедливо отмечает автор в предисловии (включающем историографический обзор и характеристику источников), в советское время изучение истории общественных организаций не привлекало к себе особого внимания. Это было связано даже не столько с «классовым подходом», сколько с тем, что общественные организации либо составляли неотъемлемую часть либерального движения (а к нему партийные идеологи относились резко отрицательно, сходясь в этом с крайними консерваторами как дореволюционными, так и современными), либо свидетельствовали

о продуктивности «малых дел», которые неизменно осуждались революционерами и их не вполне законными наследниками позднесоветской эпохи. Поэтому изучение данной темы с большим трудом пробивало себе дорогу в исторической науке. Со временем оно стало возможным как продолжение исследования истории государственных учреждений, которое также не считалось приоритетным, но смогло утвердиться (прежде всего, благодаря трудам Н.П. Ерощкина) в качестве вспомогательной исторической дисциплины. Ее необходимость диктовалась потребностью в разработке истории фондообразователей как одного из главных методов архивной эвристики. Не случайно первым серьезным исследователем общественных организаций дореволюционной России стал преподаватель Московского

государственного историко-архивного института ученик Ерошкина А.Д. Степанский. Его работы, которые начали появляться с 1979 г., заложили основу для теперь уже достаточно многочисленных последователей и продолжателей. К их числу относится и Туманова – автор нескольких фундаментальных монографий и многочисленных статей в исторических и юридических журналах.

В настоящее время история общественных организаций в Российской империи привлекает все большее внимание как российских, так и зарубежных историков. Это связано с повышенным интересом к институтам гражданского общества, без развития которого ныне ни власть, ни оппозиция, ни широкая публика не мыслят успешной модернизации России. Поиски корней гражданского общества в до-революционном прошлом страны (независимо от того, идеализируется ли оно или рассматривается сугубо критически) весьма популярны и в связи с попытками ответить на вечный вопрос, насколько революция 1917 г. являлась неизбежной и была ли какая-то реальная альтернатива.

Поэтому не вызывает сомнений поставленная в книге задача: проанализировать формы и типы общественных организаций, раскрыть их влияние на социокультурную среду и роль в создании общественности как фактора политической, социальной и культурной жизни. Не менее важна и характеристика политической и правовой культуры российского общества, а также взглядов на общественные организации и их положение в политической системе монархического государства представителей центральной и местной бюрократии. Наконец, большой интерес представляют реформаторские усилия самодержавия по модернизации социально-правовых основ жизнедеятельности общества и общественных объединений. Освещение всех этих тем необходимо для понимания опыта и перспектив самоорганизации российского общества в начале XX в. При этом общественные организации справедливо рассматриваются автором как институциональная основа гражданского общества.

Говоря о «публике», Туманова справедливо указывает на то, что не следует исключать из понятия «общественности» тех, кто состоял на государственной службе. Это тем более верно, поскольку и представители либеральной (а иногда и революционной) интеллигенции, и правительственные сановники зачастую были связаны родственными отношениями, воспитывались в одних и тех же учебных заведениях, нередко состояли членами одних и тех же обществ, а порой переходили из одного лагеря в другой. Таких примеров можно привести

немало. Но при этом не следует все же забывать, что в каждый отдельно взятый момент они выражали позицию, обусловленную их социальной ролью, и грань между властью и обществом, правительством и публикой была достаточно зримой.

Характеризуя основные источники исследования, автор отмечает особую роль дневников, мемуаров, переписки. Если изучение государственных учреждений довольно долго могло опираться преимущественно на нормативно-правовые документы (например, уставы и учреждения соответствующих структур), то при изучении истории общественных организаций такой формально-правовой подход очень скоро себя исчерпал. Сохранившиеся, как правило, уставы дают лишь весьма общее и нередко неточное представление о действительном содержании их деятельности. В то же время фонды общественных организаций относятся к числу наименее сохранных.

Рассматривая условия и особенности формирования «культуры самоорганизации русского общества», Туманова дает ретроспективный очерк развития различных форм общественных организаций в России в XVIII – начале XX в. Поначалу «регулярное государство» само инициировало возникновение «обществ» и всячески их поддерживало. Образование Вольного экономического общества и схожих объединений стоит в одном ряду с такими явлениями, как насаждение мануфактур, полублагодетельных губернских статистических комитетов, губернских ученых архивных комиссий, жалованные грамоты дворянству и городам, завершившие формирование сословных институтов, создание Академии наук, а затем и сети государственных учебных заведений, и т.д. Даже «замещающая модернизация», направленная на ликвидацию отставания страны при сохранении основ существующего социально-политического строя, не могла обойтись без «общества», хотя бы и направляемого и контролируемого сверху. В таких областях, как социальное обеспечение (благотворительность), образование, наука власть ощущала недостаток собственных сил и считала целесообразным прибегать к материальным и человеческим ресурсам общества. Но как только вновь созданные общественные институты окрепли и стали претендовать на определенную самостоятельность, заботы об их насаждении сменились усилиями по контролю за ними, благожелательность – подозрительностью и даже враждебностью. Все это вело к борьбе за свободу союзов, развернувшейся в начале XX в.

Большое внимание в книге уделено типологии общественных организаций. В основу ее

Туманова положила функциональный принцип, группируя общества по задачам и преобладающему направлению их деятельности, что позволило компактно представить всю богатую палитру форм и проявлений общественной жизни. При этом автор делает оговорку, что возможны и другие классификации – по количеству членов, времени возникновения, степени организационного оформления (салоны, кружки, общества, союзы), конфессиональному и национальному составу и т.д. Особенно важно отмеченное в книге различие между обществами, находившимися под высочайшим покровительством (деятельность в них отмечалась в формулярных списках и приравнивалась к государственной службе), и «новыми», возникшими исключительно по инициативе частных лиц и независимыми от власти. Преобладание обществ второго типа свидетельствует о достаточно развитой системе общественных организаций в России в начале XX в. В то же время появление и успешная деятельность организаций первого типа в конце XIX – начале XX в. позволяют говорить о намерениях власти поощрять и поддерживать институты гражданского общества.

Данная Тумановой типология общественных организаций в целом не вызывает сомнений. Исследовательница делит их на общества в сфере совершенствования городской инфраструктуры, общества социальной защиты, экономические, медицинские, досуговые, спортивные, «патриотические» (создававшиеся зачастую по случаю памятных дат), просветительские, научные, общества по изучению и популяризации литературы и искусств, общественные съезды. Следует отметить, что, справедливо отмечая роль роста городов и усложнения городского быта в создании «коммунальных» обществ, автор не совсем убедительно помещает в этот разряд общества по охране памятников старины. И по побудительным мотивам, и по составу членов, и по характеру деятельности они все же были ближе к научным и художественным обществам.

Относительно благотворительных организаций следовало бы также отметить, что их распространение в пореформенное время было во многом связано с распадом традиционного уклада жизни в русской деревне, который, по многим свидетельствам, предусматривал сравнительно эффективные формы взаимопомощи. Точно так же рост обществ социальной защиты во многом был связан с появлением значительных групп населения, не связанных ни с государственной службой, ни с сословными институтами (литераторы, артисты, лица свободных профессий, приказчики, полностью

оторвавшиеся от деревни городские рабочие и т.д.).

Спорным представляется объединение в одной категории организаций, близких по типу к современным творческим союзам, и обществ, занимавшихся пропагандой литературы и искусства. Очевидно, что Товарищество передвижных выставок, Общество имени А.И. Куинджи или Суриковский литературно-музыкальный кружок (объединявший писателей «из народа»), равно как и Русское театральное или Русское музыкальное общества, относятся к числу первых, а, например, Литературно-художественный кружок, скорее, к числу вторых. Возглавлявшийся же Б.В. Никольским Кружок изящной словесности при историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета (участником которого был, кстати, А.А. Блок) стал предтечей такого распространенного в советское время явления, как литературные объединения.

В качестве отдельного типа общественных организаций следовало бы выделить и различные религиозные братства, кружки и т.д. Не будучи общественными организациями в чистом виде, они сыграли значительную роль в развитии церковно-общественного движения в начале XX в. А относительная слабость этого движения (степень которой, как представляется, еще нуждается в строгой научной оценке) в значительной мере предопределила и слабость влияния духовенства на революционные события в 1917 г., и характер массового отпадения от Церкви после революции, и особенности религиозной оппозиции в советское время.

В отдельной главе рассматривается история подготовки более или менее компромиссных «Временных правил об обществах и союзах» 4 марта 1906 г. Туманова убедительно показывает наличие двух линий в правительственной политике – жесткой консервативно-охранительной и более мягкой, если не либеральной, то, по крайней мере, прагматичной. Отметим, что колебания между этими двумя линиями сохранялись в правительственной политике вплоть до 1917 г. Наряду с попытками полностью подчинить всякую общественную инициативу административно-полицейской опеке, характерными для МВД (во всяком случае, для Департамента полиции), главноуправляющим землеустройством и земледелием А.В. Кривошеиным декларировалось стремление преодолеть противостояние власти и общества, разделение на «мы» и «они». И это были не только слова. Достаточно вспомнить составленный в 1909–1910 гг. проект учреждения Министерства земледелия, в котором укрепление связи с местными общественными силами признавалось одной из основных задач

нового ведомства. На основании широкого круга архивных документов автор подробно анализирует действия Департамента полиции, направленные на установление контроля за профессиональными союзами, национальными, научно-техническими и просветительскими (не без оснований представлявшимися полицией наиболее опасными) обществами и даже футбольными клубами. Впервые Тумановой была исследована работа сложного механизма регулирования общественной жизни на губернском уровне. При этом она справедливо уделяет большое внимание личным свойствам отдельных губернаторов и особенностям административной психологии. Без этого характеристика правительственной политики по отношению к общественным организациям, основанная лишь на изучении ее законодательных основ и позиции центральных органов власти, была бы недостаточной и однобокой.

В заключительной главе книги раскрыты причины неспособности правительства создать удовлетворительные правовые основы для деятельности общественных организаций в межреволюционный период, а также бессилия народного представительства в деле реформирования законодательства о союзах. Автор указывает и на неспособность думских фракций преодолеть свои разногласия и выработать солидарную компромиссную позицию, и на отсутствие делового сотрудничества между правительством и Государственной думой.

Подводя итоги исследования, Туманова подчеркивает противоречивость отношения самодержавия к формированию в России гражданского общества: желание поддержать общественную инициативу в тех сферах, в которых правительство испытывало недостаток собственных средств и видело пользу от содействия общества, сочеталось со страхом перед неконтролируемым размахом и нежелательными для власти формами и последствиями этой инициативы. «Ошибка власти, – указывает автор, – заключалась в ее уверенности в том, что право выбора – иметь дело с добровольными организациями или нет – оставалось за ней». Но, справедливо отмечая консерватизм правящих кругов, автор смотрит на проблему глубже. По мнению Тумановой, с которым трудно не согласиться, в России в начале XX в. отсутствовали многие фундаментальные предпосылки гражданского общества: не было развитого среднего класса

(в европейском его понимании), низкой оставалась правовая культура. Основным проводником модернизации в дореволюционной России являлось государство, осуществлявшее управление бюрократическими методами. Приоритет патерналистских методов перед правовыми сдерживал развитие гражданского общества. Деструктивную роль играли и завышенные ожидания либеральной общественности. Именно роковая неспособность к компромиссу и власти, и общества, наряду с общей разбалансированностью развития страны в предреволюционный период, привели к катаклизму, в результате которого ушли на дно и «материки бюрократии», и «островки гражданского общества».

Исследование Тумановой заставляет задуматься о некоторых общих закономерностях воздействия гражданского общества на исторический процесс. Гражданское общество оказывается устойчивой и эффективной системой институтов при наличии стабильного правового государства, в котором разделение на собственно политическую, экономическую и «гражданскую» сферы основано на общественном консенсусе относительно всех этих сфер, а каждая из политических, экономических и гражданских целей может быть легально достигнута специфическими для них средствами. Структуры гражданского общества могут сыграть значительную (и весьма положительную) роль в мирной эволюции государства и общества. Но в условиях, когда и власть, и общество настроены бескомпромиссно, а революционный переворот становится неизбежным, роль «островков» гражданского общества не может стать сколько-нибудь решающей. При этом ангажированность всех общественных структур, использование их в политической и даже революционной борьбе неизбежны. Как и враждебное отношение к ним власти, не желющей и не умеющей вовремя перестроиться и вывести страну на путь мирных преобразований. Книга А.С. Тумановой вносит ценный вклад в изучение истории гражданского общества в России и исторических судеб страны в целом. Нет сомнения, что ей суждена долгая жизнь: она будет порождать дискуссии и служить ориентиром для последующих исследователей.

**Д.И. Раскин, доктор исторических наук,
(Санкт-Петербургский государственный
университет)**